

**Статья «против Мадзини» (с. 21-62).
Методы Мадзини, Государство, Церковь
и методы Интернационала.**

Михаил Бакунин

Ноябрь 1871

Оглавление

I. Средства Мадзини: Учредительное собрание.	4
II. Народная религия и народный патриотизм	7
III. Государство и Церковь. Их борьба и развитие масс.	10
IV. Разложение государства народной идеей освобождения и разложение народа идеей о спасении руками государства.	13
V. Экономическая привилегия – основа и цель Государства. Собственность и право наследования в формировании классов.	16
VI. Мадзинистское воспитание в объединении Нации поверх классового неравенства.	18
VII. Классовая борьба пролетариата и буржуазные методы Мадзини	23
VIII. Критика мадзинистского государственного воспитания	29

*Ноябрь 1871, Локарно, Швейцария
Amsterdam, IISG, Archives Bakunin.*

Данная «Статья», первые двадцать страниц которой неизвестны, представляет собой критику политических идей Мадзини. В первую очередь методов достижения цели – учредительного собрания и нравственного воспитания руками государства. По ходу критики, Бакунин излагает свои взгляды на народный и государственный патриотизм, на сущность государства и церкви, высказывает свои представления о борьбе Государства и Народа, о том, что происходит с Государством, если в него проникает народная идея освобождения, и что происходит с народом, если он начинает уповать на Государство уже в своем деле. Бакунин противопоставляет по большей части экономический (направленный против буржуазии) метод Интернационала исключительно политическому (то есть объединяющему буржуазию и пролетариат в интересах первого) методу Мадзини.

Эту статью Бакунин не закончил. Она стала слишком длинной (более 60 страниц), чтобы считаться просто статьей.

В оригинале нет деления на главы, есть лишь черта, отделяющая краткое содержание системы Мадзини от конкретной критики одной ее части (Воспитания) в самом конце «Статьи». Название «Статья “против Мадзини”» значится в CD-ROM, после нее идет приписка публикатора русской версии. – публикатор.

I. Средства Мадзини: Учредительное собрание.

... такая великая, такая истинная, такая свято чистая и такая высоко бескорыстная натура Мадзини! Но любая политическая и религиозная система имеет свои неизбежные последствия, столь же неизбежные, как законы природы, ибо эта фатальная логика, присущая каждой системе, сама по себе является законом природы. Поэтому, как только человек принимает какую-либо систему, связывает с ней всю свою жизнь, все свои мысли, все свои действия, каким бы чистым, умным и сильным ни был этот человек, он должен нести все последствия этого. Он может ненавидеть их в глубине своего сердца, но он должен терпеть их и позволять своим друзьям, ученикам и последователям, менее щепетильным, чем он сам, осуществлять эти последствия, какими бы аморальными они ни казались ему.

В чем, вкратце, заключается система Мадзини? Это система истины и закона, которые не находятся в народе, которые приносятся народу сверху, избранными людьми, так или иначе избранными Богом, но которые в то же время должны выходить из всеобщего голосования как верное выражение собственных народных инстинктов. Для достижения этой цели существует только два средства:

Или же необходимо отложить созыв Учредительного собрания до того момента, который, безусловно, наступит не скоро, когда по крайней мере большинство народа будет действительно убеждено и проникнуто истиной идей Мадзини, а пока заниматься только пропагандой. Или же, с помощью политического трюка, нужно вырвать из народа голоса, которые будут противоречить всем его инстинктам и истинным народным чаяниям.

Первый способ, несомненно, был бы предпочтительнее для сердца Мадзини. Но его применение невозможно. Потому что события идут, что я говорю, они мчатся в наши дни; и если бы мы хотели дожидаться реального переубеждения народа, то противники всех мастей: Гарибальдисты, свободомыслящие, интернационалисты, успели бы создать десять анти-Мадзинистских Учредительных собраний¹. Сам Мадзини, кстати, неоднократно заявлял, что *просвещение народа*, то есть принятие народом идей Мадзини, в нынешних условиях невозможно. Поэтому было бы смешно ждать этого принятия, поэтому нужно созвать Учредительное собрание до того, как народ их примет; *поэтому нужно обманывать*.

По сути, нужен только один большой трюк: *Это избрать из голосов народа, все еще настроенного анти-Мадзинистски, Мадзинистское Учредительное собрание*. Как только этот трюк будет выполнен, *от фикций к фикциям*, все пойдет как по маслу, без необходимости прибегать к какой-либо новой крупной лжи: Мадзинистское Учредительное собрание провозгласит, как *Национальная Партия*, Мадзинистскую

¹ Зачеркнуто «Поэтому ждать нельзя: поэтому нужно обманывать».

программу, преобразованную в *Национальную Идею*. Она изберет из своего состава очень сильное Мадзинистское правительство, которое, защищенное новой Мадзинистской Конституцией от любых ограничений своей власти, не будет представлять собой никакой другой гарантии, кроме *ума и добродетели* своих членов, должным образом подтвержденных и признанных Мадзинистским Учредительным собранием.

Но чтобы это утверждение или оценка ума и добродетели будущих членов Мадзинистского правительства со стороны Мадзинистского Учредительного собрания имела какую-либо ценность, не должно ли быть так, чтобы по крайней мере большинство членов этого Учредительного собрания были сами умными и добродетельными? Ведь только ум способен распознать ум, и только добродетель может отдать должное добродетели.

Учредительное собрание, которое будет представлять народ в двадцать пять миллионов человек, должно состоять из 500 человек, среди которых, чтобы иметь компактное и почтенное большинство, должно быть по крайней мере 300 представителей народа, одновременно умных и добродетельных. Есть ли сегодня столько людей во всей Мадзинистской партии?

Я знаю, что это очень деликатный вопрос, и если бы речь шла только о соблюдении приличий, то, возможно, лучше было бы не затрагивать его. Но здесь речь идет о вопросе жизни и смерти: нужно раз и навсегда покончить со всеми *фикциями*, как политическими, так и религиозными, потому что именно фикции, вымыслы вечно обманывали массы и до сих пор обрекали их на рабство. И с того момента, как мы поняли необходимость и приняли решение покончить с ними, нужно осмелиться затронуть всё и сказать всё. Поэтому я повторяю свой вопрос: есть ли во всей Мадзинистской партии 300 человек, которые сочетают в себе серьезную добродетель и серьезный ум?

Если бы речь шла только об этом отрицательном уме, который заключается, например, в утверждении слишком больших глупостей, в слепом повторении теологических абсурдов Учителя, или в этом подражательном духе, который с некоторой видимостью логики воспроизводит его политические и нравственные формулы, никогда не углубляясь в них и часто даже не понимая их, тогда, без сомнения, в Мадзинистском лагере было бы даже чуть больше 300 умных людей. Но достаточно ли этого ума, чтобы действительно представлять Италию, чтобы формулировать мысли великого народа? Если только эта мысль не была сформулирована заранее, и им остается только повторять ее как попугаи, или, скорее, будем вежливы, как дети, которые заучивают урок наизусть, как, например, делает господин Оннис Бруско в *Unità Italiana*, которая, как известно, теперь объединена законным браком с *Dovere*.

Как известно, образование большинства мадзинистов посредственно. Было бы преступлением упрекать их в этом, поскольку, безусловно, они не учились много не из-за лени или безразличия к интеллектуальным занятиям, во-первых, потому что различные правительства, сменявшие друг друга в Италии до сих пор, а также те, кто сначала разделил ее между собой, сочли целесообразным превратить университеты и государственные школы в места наказания, а не в очаги разума и науки; и, прежде всего, потому что вот уже почти шестьдесят лет итальянская молодежь, замечатель-

ная своим патриотизмом и преданностью, не делала ничего другого, как замышляла заговоры и сражалась за независимость Италии. У нее не было времени учиться.

Была еще третья причина, вызвавшая такую умственную отсталость в Мадзинистской партии. Это склонность обращаться к прошлому, которая преобладала в Италии до последних лет и жертвой которой стал сам Мадзини. Страдаемый и унижаемый в настоящем, вместо того чтобы искать спасения в современной науке, которая восходит как яркое и благотворное солнце над духовно и физически скованным человечеством, они обратились к прошлому, ища утешение в традициях величия Италии и Рима. Так Данте стал пророком, а вечный город Рим – объектом мессианского культа.

Ничто так не высушивает, не стерилизует ум, ничто так не убивает в нем всякую живую инициативу, как культ прошлого. Классицизм и сегодня в значительной степени сковывает естественно живой, импульсивный и мощный ум итальянцев и накладывает на них некую монотонную стерильность, в результате чего самые энергичные и живые натуры становятся апостолами бессильных вымыслов и мертвых идей. Только реальная наука и позитивные методы, которые так ярко проявились в работах и бессмертных открытиях их последнего великого ученого гения, Галилея, могут вернуть им, заставляя смотреть вперед, а не искать истину позади, могут вернуть им, говорю я, ту национальную инициативу, которую они утратили и которую сегодня вновь обретают, несмотря на самого Мадзини. Мадзини, гений ушедших времен, если таковым когда-либо был, является последним реальным, живым, самостоятельным представителем религиозных, метафизических и политических теорий, которым нельзя отказать в некотором меланхоличном и бесплодном поэтическом величии, но которые, осужденные разумом, наукой, сегодня стали совершенно бессильными и мертвыми. Эти теории окаменели в умах большинства апостолов и последователей Мадзини, включая моего бывшего друга, ученого господина Аурелио Саффи.

Но, по крайней мере, не имея научного ума, сохранили ли Мадзинисты этот природный ум, этот здравый смысл, основанный на сердце, широко открытом для всех реальных впечатлений жизни и руководимый сильным чувством справедливости, которое часто позволяет даже малообразованным людям понимать истинные потребности и реальные стремления масс, сочувствовать им и, так сказать, отождествляться с ними? Одним словом, являются ли Мадзинисты действительно народными людьми благодаря своим желаниям, склонностям, воле, цели, которую они преследуют и благодать которых они сейчас пытаются доказать массам? Увы! нет; классицизм или проклятый ретроспективизм, не давая им большого образования, тем не менее прорыл пропасть между народом и ними.

II. Народная религия и народный патриотизм

Народ, ни один народ никогда не был и никогда не станет классическим. Народ – это сама природа, умная, прогрессивная, исторически, если не явно¹ развитая, но которая, несмотря на все эти вековые изменения, остается и всегда будет природой: вечным протестом против всех религиозных, метафизических, политических и юридических абстракций и фикций, во имя которых вечно пытались поработить его. Народ – естественный, чаще всего неосознанный враг Церкви и Государства.

Народ *по своей природе* религиозен в смысле постоянного и глубокого практического стремления к лучшей жизни. Что может быть более оправданным и естественным? Его сердце широко, а живет он в тесноте; он голодает, он раб, его удел – нищета, и он стремится к человеческой и свободной жизни. Он также религиозен в смысле широкой практической солидарности. Эту основу, этот фундаментальный закон человеческого общества он чувствует гораздо глубже, чем его чувствуют и признают, чем его могут признать в любом из привилегированных классов. Это инстинкт справедливости и равенства. Вот его настоящая религия; она никогда не была ничем иным, как **инстинктивным социализмом**.

Часто, или, скорее, можно даже сказать, что до сих пор к этой естественной и практичной религии народа присоединялось много глупых и вредных суеверий, которые в значительной степени были порождены его большим невежеством, – невежеством, которое привилегированные классы всегда так умело и прибыльно возвращали; суеверий, которые однако частично были также систематически внушены ему «гениями, увенчанными добродетелью»², и их апостолами. Но он никогда не был тем, кого называют теологом; он никогда не изобретал, не создавал и не понимал никаких догм. Он никогда не был сторонником какой-либо официальной Церковной организации, потому что все официальные культы и всё духовенство, начиная с первобытных колдунов Фетишизма и заканчивая еще не официально установленным культом Мадзинистской религии, организовались в ущерб ему, на его спине.

Народ тоже *по природе* своей патриотичен. Он любит землю, на которой родился; природу, климат, в которых он развивался; эта любовь, как и вообще всякая человеческая любовь, в своей основе является сначала совершенно физиологическим, животным чувством. Это не добродетель, не долг, не догма, это естественный факт. Сначала очень ограниченный факт, который едва выходит за узкие пределы общины. Настоящий, живой, естественно сильный патриотизм народа – это не национальный

¹ Sulairement – такого слова нет во французском, возможно, опечатка и имелось ввиду слово «clairement».

² Отсылка к словам Мадзини.

и даже не региональный патриотизм, а в большей степени исключительно *общинный*. Но он также любит язык, на котором говорит, или, вернее, не знает другого, и только на своем языке он может выразить всё, что думает, всё, что чувствует, и может жить социально, по-человечески. Он также отождествляет себя с обычаями и ложными или истинными представлениями своей страны, и если эти обычаи, представления и язык охватывают весь регион, то он начинает становиться настоящим региональным патриотом. Если же они охватывают всю нацию, то это становится национальным патриотизмом.

В этом смысле никто не является столь глубоким и искренним патриотом, как народ. Но, повторюсь, этот патриотизм, даже охватывающий целую нацию, не является добродетелью, долгом или догмой, это неизбежный, естественный факт, который нужно отмечать, признавать и уважать, как нужно отмечать, признавать и уважать всё, что существует, и как нужно уважать, прежде всего, любую естественную форму человеческой свободы. С человеческой точки зрения, единственное, что мы можем считать абсолютным *в отношении* нас самих, человека в целом, – это тот факт, – который становится тем более полезным, благоприятным, человеческим, – что коллективное сознание, разрушенное³ в реальной жизни и во всей организации родины, является относительно более человеческим⁴. Итак, то, что действительно хорошо или оправданно человечески в патриотизме, это то, что является *универсально человеческим*, то есть само отрицание⁵ патриотизма⁶ естественного, преобразованного в принцип или догму, отрицание того, что в нем исключительно национального.

Это не народный инстинкт, это политическая абстракция, это Государство, которое провозглашает патриотизм принципом и делает его предметом религиозного культа. Народный патриотизм, отождествляющийся со свободным развитием естественного сообщества, естественно сильнее, интенсивнее, реальнее и сначала более дикий в общине; затем он все больше очеловечивается благодаря⁷ развитию коллективной жизни, потребностей, инстинктов, идей, и если ничто не прерывает насильственно этот самочинный и постепенный подъем снизу вверх, он расширяется, все более ослабевая как естественный и дикий инстинкт, сначала благодаря свободному объединению общин в регионы, затем благодаря объединению регионов в еще более широкое целое⁸, которое называется нацией, чтобы рано или поздно, всегда по тому же пути свободной федерации, раствориться в организации и солидарном сознании человечества.

Таково было бы естественное развитие любого человеческого общества, если бы новые элементы, социальные силы, – столь же естественные, но по своей природе чуждые и враждебные, – почти всегда не прерывали его мирный ход. Я имею

³ Зачеркнуто «в обычаях».

⁴ Au point de vue humanitaire, le seul auquel relativement à nous mêmes, à l'homme considéré en général, nous puissions accorder un caractère absolu, c'est un fait qui devient d'autant plus utile, favorable, humain, que la conscience collective qui s'est ruinée dans <[les coutumes,]> dans la vie réelle, et dans toute l'organisation# 19 d'une patrie, est relativement plus humaine.

⁵ Зачеркнуто «мыслимого».

⁶ Зачеркнуто «не как естественного факта, а как»

⁷ Зачеркнуто «естественному».

⁸ Зачеркнуто «более широкое национальное целое».

в виду борьбу разных народов и рас, которое есть ни что иное, как продолжение непрекращающейся борьбы различных видов животных в природе, этой великой *борьбы за жизнь*, которая превращает все животное царство в кровавую и бесконечную трагедию: это война, это завоевание, это порабощение мирных и трудолюбивых народов дикими ордами, организованными и дисциплинированными с военной точки зрения с целью счастливого и прибыльного разбоя. Завоеватели всегда были основателями Государств, а также основателями Церквей.

III. Государство и Церковь. Их борьба и развитие масс.

Что такое Государство? Это временная юридическая организация всех фактов и всех социальных отношений, которые естественным образом вытекают из этого первоначального и несправедливого факта: завоевания. – А что такое Церковь? Это духовная организация и санкция, которая, как считается, была дана каким-то Богом этим отношениям, этим фактам. Это культ Бога, который, как полагают, пожелал, повелел и установил все¹ жестокости и несправедливости, неотделимые от завоевания, и среди них прежде всего: *Порабощение завоеванных народов*.

Любое Государство, пока оно существует, несет в себе как фундаментальные основы два зародыша своего первоначального создания: порабощение и войну; один для внутренних дел, другой для внешних. Любая Церковь, какую бы маску она ни принимала и как бы человечной она ни называла себя, является ее санкцией и обязательным благословением. Человечное Государство, либеральное Государство – это нонсенс, абсурдное противоречие, так же как нонсенс и абсурд – рациональная Церковь. Одно представляет собой несправедливость и жестокость, другое – ложь и теоретическое отрицание человечности. То, что называется *политическим патриотизмом, патриотизмом Государства*, – есть культ этой несправедливости и лжи, *гарантия двойного материального и морального порабления народа*. И Мадзини хочет, чтобы народ стал *патриотом* Государства!

Государство и Церковь, несомненно, развиваются и в некоторой степени очеловечиваются, но не сами по себе, а в результате непрекращающейся борьбы, которую они вынуждены вести против порабощенных народов. Рабство, которое они вынуждены терпеть – ведь любой завоеватель всегда ставил своей главной целью организованную эксплуатацию коллективного труда порабощенных масс в интересах завоевательных меньшинств – это рабство само по себе становится благом, когда под тяжестью бедствий, которые оно наваливает на народы, наконец пробуждает в них чувство человеческого Права, жажду освобождения, любовь к свободе, *Святой бунт*. Во всех Государствах порабощенные народы составляют подавляющее большинство. Они слабы только потому, что абсолютно не организованы. Сгибаясь под тяжестью принудительного труда, приносящего прибыль только завоевателям, сначала вынужденно объединенные для этой работы, эти тысячи рабов, объединенные несчастьем и одинаковым рабством, в конце концов начинают помогать друг другу, объединяться и свободно организовываться, и с этого момента они, в свою очередь, начинают составлять силу, – растущую силу народа. И тогда борьба начинается заново; начинается *Священная гражданская война*, которая, несмотря на несогласие Мадзини, является единственным средством освобождения народа.

¹ Зачеркнуто «бесчеловечности».

Государство прежде всего подавляет, а Церковь, его болтун, [проклинает] всякие бунты, прежде чем хотя бы один из них, по крайней мере частично, увенчается успехом. Ничего более естественного, потому что первые зародыши народной организации сначала слишком слабы, чтобы с каким-либо успехом бороться с искусно организованными силами Государства; и потому что Церковь, пользуясь религиозными суевериями, которые все еще господствуют в массах, сеет в их рядах нравственное разложение. Но как только семя бунта укореняется в массах, его становится невозможно искоренить, оно не перестает бродить в их среде и порождать в ней новые силы и новые идеи. В ней начинает зарождаться новая религия – религия освобождения, во всех отношениях противоположная официальной религии завоевания и завоевателей.

Но по мере того, как в народе усиливается моральный дух, пусть и медленно, но неуклонно, в государственных кругах постепенно наступает и усиливается моральный упадок.

«*Интересы разделяют нас!*» – пишет Мадзини. Это было бы совершенно справедливо, если бы он не забыл добавить одно маленькое прилагательное к этой фразе, ставшей столь знаменитой и столь комично перефразированной почтенным депутатом, бывшим сторонником Мадзини и одним из лидеров сегодняшней парламентской оппозиции, Криспи². Мадзини был бы прав, если бы сказал: *привилегированные интересы разделяют людей*.

Равные *человеческие* интересы не разделяют людей, а, напротив, объединяют их, поскольку люди не могут служить им и процветать иначе, как посредством коллективного труда, основанного на равенстве и организованного в видах обеспечения свободы для всех. Но привилегированные интересы, как и Государства, которые существуют только для их гарантии, основанные на войне, завоевании, порабощении народных масс, неизбежно несут в себе семена всех разделений в их среде. Привилегированные интересы – это систематическая, регулярная эксплуатация коллективного труда масс, узаконенная Государством и санкционированная Церковью. Таким образом, между привилегированными индивидами и различными подразделениями эксплуатирующего меньшинства происходит непрерывное деление добычи; следовательно, вечное противостояние, тихая война. Часто различные партии, составляющие это меньшинство, также свободно объединяются, чтобы противостоять бунтующей черни. Но это только перемирие, никогда мир. Мир между привилегированными партиями так же невозможен, как и между различными Государствами; отсюда следует, что до тех пор, пока будут существовать Государства и привилегированные классы, существование которых, кстати, неотделимо от этих Государств, война будет оставаться господствующим законом человечества.

Но чаще всего привилегированные партии Государства, или, если выразиться еще более строго, партии Государства – потому что любая партия Государства, стремящаяся как таковая к сохранению самого принципа Государства, обязательно является партией привилегированных – поэтому часто бывает, что партии Государства, с безумным презрением относясь к медленному, но верному росту организации народных сил и больше заботясь о сегодняшнем триумфе, чем об опасностях завтраш-

² «La repubblica ci divide». (прим. Бакунина). – «Республика разделяет».

него дня, используют эти народные силы для борьбы друг с другом. Таким образом, несомненно, не желая того, они дисциплинируют массы, закаляют их в борьбе и раскрывают им столь ценные секреты хорошей организации. Рано или поздно массы пользуются этим, и народные бунты в конце концов начинают заканчиваться более успешно.

Нас, социалистов-революционеров, часто оскорбляют, называя демагогами. Сам Мадзини использует это слово против нас. Это большая несправедливость. Что такое демагогия? Это действия честолюбивых и алчных личностей и политических партий, которые, стремясь свергнуть правящую политическую партию, делают большие уступки народным массам и обещают им то освобождение, к которому они стремятся с момента появления Государств, при этом оставляя за собой право, после своего торжества, с помощью народных рук восстановить Государство, то есть поработить эти же массы в своих интересах. Все политические партии, которые не гнушаются прибегать к народной силе³ для захвата власти в Государстве, начиная⁴ с⁵ партий начинающих Цезарей, которые коронуют своих вождей от имени и под восторженные возгласы соблазненной и ослепленной плебейской толпы, но включая также республиканцев, демократов и даже буржуазных социалистов, таких как партия Гамбетты во Франции, партия Мадзини в Италии или даже партия социал-демократов Германии, мечтающих о великом Пангерманском и мнимом народном Государстве, все они одинаково занимаются чистой демагогией, потому что все они хотят создать с помощью силы народных рук новое Государство, то есть новую тюрьму для народа. Но это название не может быть применено к революционным социалистам, которые, путем упразднения Государства, хотят положить конец всему, что называется господством, опекой, порабощением, авторитарным контролем над свободой и эксплуатацией труда пролетариата.

После этого пояснения, которое я счел необходимым, я возвращаюсь к своей теме.

³ Зачеркнуто «для захвата власти в Государстве, включая, естественно, всех начинающих Цезарей, стремящихся к короне и приходящих к власти под восторженные крики плебеев, республиканская партия Гамбетты во Франции и Мадзини в Италии, включая даже социал-демократов Германии, которые мечтают о своем великом Пангерманском и мнимом народном Государстве, занимаются чистой демагогией. Но это название не может быть применено к социалистам-революционерам, которые хотят упразднения государства и, следовательно, окончательного и решительного прекращения всякого господства, всякого попечительства, всякого порабощения свободы и всякой эксплуатации народного труда.

После этого необходимого пояснения я возвращаюсь к своей теме.»

⁴ Зачеркнуто «естественно».

⁵ Зачеркнуто «Цезарьских партий»

IV. Разложение государства народной идеей освобождения и разложение народа идеей о спасении руками государства.

Политические партии, которые всегда неизбежно вдохновляются амбициозными идеями – а амбиции подразумевают эксплуатацию и алчность, – эти партии, чтобы привлечь массы на свою сторону, вынуждены в той или иной степени учитывать настроения этих масс, выступать защитниками их чаяний и интересов. Так, зарождающаяся народная мысль рано или поздно проникает в самое святилище привилегированного и официального мира Государства. Эта мысль, которая никогда не была ничем иным, как мыслью об абсолютном и действительном освобождении, по своей природе несовместимое с самим существованием Государства, входит в политическую жизнь Государства не для того, чтобы нравственно усилить Государство, а для того, чтобы его медленно растворять, подрывать, разрушать. Это яд, сначала очень медленный, но разъедающий и смертельный, который Государство вынуждено проглотить, вынуждено не столько народным насилием¹, сколько развитием привилегированных интересов отдельных лиц и различных политических партий в его недрах.

Тогда начинается двойное нравственное разложение: разложение Государства и народа.

Разложение Государства заключается в том, что, отказываясь от своего чистого принципа, который заключается в торжествующей, господствующей, подавляющей и санкционированной божественной волей силе, оно вступает на путь сделок и неизбежных уступок массам, которые до сих пор были абсолютно и неотвратимо поработаны. Оно допускает в свою организацию, основанную изначально с целью их абсолютного подчинения, учреждения, которые гарантируют им более или менее определенные свободы, определенные права. Эти учреждения, если они не оказываются лишь иллюзией, развиваясь, рано или поздно должны его уничтожить; а когда они – иллюзия, они в конце концов вызывают против него гнев народа, воодушевленного первыми успехами. Он допускает проникновение в свое право, которое сначала было не чем иным, как кодексом торжествующей жестокости, логикой несправедливого факта, первых элементов человеческого, народного правосудия, вооруженного логикой, которая неизбежно должна уничтожить первое. Наконец, он допускает проникновение в официальную религию, в его культ, который сначала был лишь

¹ В зачеркнутом фрагменте здесь лишь одно отличие, вместо «народного насилия» стоит «народная сила».

абсолютным абсурдом, основанным на абсолютной жестокости и несправедливости, первых проблесках человеческой мысли, которая рано или поздно должна убить божественную идею. Таким образом, Государство в своей тройной форме материальной организации силы, законодательства и обожествления этой силы, то есть правительства, Суда и Церкви, постепенно очеловечивается и распадается тем более, чем оно очеловечивается.

Но по мере того как Государство очеловечивается, растворяясь, народ развращается в том смысле, что на некоторое время теряет первоначальную энергию своей ненависти к Государству, пока новый опыт, длинная череда разочарований и новых страданий не возвращают его к ней. Убаюканный иллюзиями, он в течение определенного периода времени ожидает от него спасения.

В современной истории этот период двойного нравственного упадка отмечен, в политике и социальной экономике², сначала приходом, а затем полным триумфом буржуазии, а в Религии – сначала Протестантизмом, а позже метафизическим Деизмом; в праве, с национальной точки зрения, теорией общественного Договора и фикцией народного суверенитета, представленного всеобщим избирательным правом; а с международной точки зрения – теорией невозможности конституирования человечества и столь же невозможности торжества справедливости, мира и свободы посредством свободной Федерации Государств, то есть объединения в единую и невозможную мирную организацию политических образований, основополагающими принципами которых являются именно несправедливость, рабство³ и война.

С момента Реформации в Англии, Нидерландах, Америке и Швейцарии; и со времен французской Революции во всех странах латинской расы, а также в Германии, до наших дней эта жалкая иллюзия, заключающаяся в ожидании спасения руками Государства, в надежде на действительное улучшение своей участи и скорейшее

² Политэкономии.

³ Отсюда начинается вариант страницы 35:

«и война.

С момента Реформации, в Англии, в Америке и в Нидерландах, с момента Великой Французской Революции во всех странах латинской расы, а также в Германии, и по сей день эта прискорбная иллюзия, заключающаяся в ожидании спасения от рук Государства, от тех или иных изменений в формах и институтах Государства, не только укоренилась, но и все больше развивалась в сознании и в заблудших надеждах наиболее энергичной и прогрессивной части народных масс, и в частности в пролетариате городов западной Европы.

Это была роковая и огромная ошибка, которая не могла привести ни к чему другому, как к тому, что пролетариат оказался в подчинении буржуазии и стал служить инструментом для амбиций этого класса.

Чтобы заместить и сместить дворянскую аристократию, которая была истинным и искренним представителем насильственной несправедливости и божественного абсурда Государства, буржуазия отменила или, скорее, сделала вид, что отменила все политические привилегии, вытекающие из учреждения Государства; она сохранила только одну привилегию, *экономическую привилегию*, привилегию капитала и собственности, сосредоточенных исключительно в ее руках, привилегию эксплуатировать труд пролетариата. То есть она сохранила то, что собственно составляет цель, принцип и главный фундамент Государства, все политические и юридические привилегии являются лишь необходимыми следствиями этого: *эксплуатации коллективного труда масс в интересах правящего и имущего меньшинства*.

Вот святая святых, окончательно разоблаченный, обнаженный принцип государства.»

освобождение в изменениях форм и институтов Государства, не только сохранилась, благодаря пропаганде республиканцев, демократов и буржуазных социалистов, но и продолжила развиваться в заблудшем сознании пролетариата городов западной Европы; и мы видим, как она процветает и сегодня, более чем когда-либо, под влиянием программ, разработанных вождями Социал-Демократической партии, во всей Германии и даже в немецких кантонах Швейцарии, которые, *демократически* продолжая *пангерманское* дело князя фон Бисмарка, сегодня, очевидно, стремятся подчинить прежде всего немецкие кантоны господству, фактическому суверенитету немецкого большинства, превратив свободную Гельветическую конфедерацию в централизованное Государство, которое неизбежно, хотя бы того или нет, рано или поздно станет придатком либо Европы, либо великой пангерманской Республики.

Название здесь не имеет значения, потому что с момента появления Государства, большой политической Централизации, будет господство какого-либо меньшинства и фактическое, если не юридическое, рабство для подавляющего большинства, для пролетариата, для народа. Эти буржуазно-политические тенденции пролетариата прискорбны, потому что они не могут привести ни к чему другому, как к тому, что он окажется в подчинении буржуазии, своего естественного врага, и превратится в слепое и всегда жертвуемое средство для удовлетворения как индивидуальных, так и коллективных амбиций буржуазии.

V. Экономическая привилегия – основа и цель Государства. Собственность и право наследования в формировании классов.

Когда буржуазия использовала силу народных рук, чтобы смести политические, религиозные и экономические учреждения дворянской аристократии, единственного класса, который во всей своей жестокой искренности олицетворял принцип Государства: *насильственную несправедливость, оправданную божественным абсурдом*, буржуазные революционеры упразднили или сделали вид, что упразднили все политические, юридические и гражданские привилегии, которые были неизбежным следствием самого существования Государства; и они сохранили только одну привилегию, экономическую привилегию, которую можно определить следующим образом: это право собственности и капитала, сосредоточенных в руках буржуазии, которая теперь охватывает все привилегированные классы, признанное, поддерживаемое, гарантированное и защищаемое силой государства право эксплуатировать труд пролетариата. То есть буржуазия, в процессе своего ужасного дела разрушения и освобождения, сохранила то, что составляет материальную цель и реальную основу Государства, все политические, юридические и религиозные привилегии были лишь идеальными следствиями, предложениями или масками того, что называется: *Эксплуатация коллективного труда масс в интересах правящего или имущего меньшинства*.

Вот *святая святых*, окончательно разоблаченный, обнаженный принцип Государства. Буржуазия откажется от всего, кроме этого принципа и этого права, которые составляют саму основу ее отдельного и привилегированного существования. Как милосердный Бог из Библии, который позволил человеку, созданному по своему образу и подобию, вкушать все плоды, кроме одного, под угрозой проклятия; или как Синяя Борода из сказки, который дал своей жене милостивое разрешение посещать все комнаты своего дворца, кроме одной, под угрозой смерти; буржуазия с удовольствием предоставляет пролетариату все возможные свободы, при условии, чтобы он не трогал ни *священного права индивидуальной наследственной собственности*, ни *власти политической централизации единого Государства*, которая одновременно является ее узакониванием, юридическим воплощением и необходимой гарантией. Но если пролетариат только сделает вид, что прикоснулся к ним, буржуазия, забывая все свои либеральные принципы, – как милосердный Бог из Библии забыл свою божественную любовь, – она, буржуазия, тут же становится жестокой, кровожадной, она обрушивает на пролетариат все ужасы репрессий и военной диктатуры.

Буржуазия права. Чтобы навсегда сохранить свое привилегированное положение, ей достаточно лишь сохранить это драгоценное право индивидуальной наследствен-

ной собственности, поскольку именно привилегии наследственности составляют классы. Поэтому мы видим, что принцип наследственности играет огромную роль во всех религиях, в каждой языческой или христианской религии, без исключения, даже в религии Мадзини, которая не имела и не имеет иной социальной цели, кроме как защищать и санкционировать существование классов и, следовательно, закреплять привилегии, какими бы они ни были. Наследственность составляет главную основу всех библейских еврейских и христианских мифов; все это вращается вокруг вымысла о наследственном грехе и благодати. Наследственность когда-то создавала дворянскую аристократию, а сегодня она создает буржуазную аристократию или, если хотите, плутократию.

С экономической наследственностью, принципом, который Мадзини, без сомнения воображая себя искренним социалистом и стремясь прежде всего убедить пролетариат в искренности своего социализма, так любит провозглашать и так часто провозглашает, полностью противореча самому себе, этот принцип, что *частная собственность является продуктом труда каждого*, каждый должен быть, согласно справедливости, сыном своих трудов, этот принцип, я говорю, что каждый индивид имеет право только на продукт своего собственного труда, становится ужасным лицемерием, ложью, одновременно смешной и отвратительной.

Вот два новорожденных: один из них – сын родителей, которые по своей вине или вследствие бедствий не накопили никакого состояния. Он рождается в нищете и наследует только их нищету; другой, более удачливый, наследует богатство, которое, как мы предположим, было накоплено исключительно трудом его отца. Есть ли между ними равенство с самого начала? Очевидно, нет. Существует вопиющее неравенство. И обратите внимание, что это неравенство не является следствием их поступков, поскольку, едва родившись, они не могли совершить ни одного, ни хорошего, ни плохого. Это неравенство не является даже следствием или выражением их естественного неравенства как личностей. Может даже случиться так, что бедный ребенок будет от природы одарен талантами и богатыми интеллектуальными и моральными способностями, а богатый ребенок родится идиотом; что не мешает последнему иметь, с социальной точки зрения, а не с индивидуальной, и даже в явном противоречии с отношениями, которые с индивидуальной точки зрения должны были бы сложиться между ними, неоспоримое превосходство, превосходство положения, стартовой позиции, начала в жизни. Очевидно, что между ними с самого начала их пути будет существовать *социальное неравенство*.

Но с момента экономического установления социального неравенства в мире больше не было таких политических и юридических законов, какими бы драконовскими они ни были, которые могли бы предотвратить появление классов, по крайней мере *двух классов: класса счастливых наследников и массы несчастных обездоленных*.

VI. Мадзинистское воспитание в объединении Нации поверх классового неравенства.

Никакое *воспитание*, авторитарно управляемое Государством, не сможет сблизить эти два класса, даже в детском и подростковом возрасте людей, которые будут их составлять. Мадзини имеет представления о воспитании, достойные идеалиста и теолога. Он верит в силу нравственного воспитания, противоположного тому, которое дают людям социальные реалии, то есть противоположного естественным и неизбежным последствиям¹ экономических условий жизни.

Он представляет себе, что после провозглашения *национального [пакта]* Учредительным собранием в Риме и избрания правительства в его составе, это правительство немедленно создаст огромное количество государственных школ, которые будут посещать как богатые, так и бедные дети, с особой целью без различия преподавать всему народу *нравственность Мадзини*, то есть преданность, жертвенность, долг и все другие добродетели, которые являются их следствиями или необходимыми проявлениями. Следует отметить, что во всех своих сочинениях Мадзини гораздо больше говорит о *воспитании*, чем об образовании. Я полагаю, что он немного недоверчив к образованию, поскольку, если оно будет хоть немного рациональным и научным, оно может полностью опровергнуть все догмы, составляющие символ веры Мадзини.

Напротив, Интернационал громко требует образования, всей науки для народа. Он с полным основанием презирает все религиозные догмы, зная по опыту, что каждый из этих догматов содержал и не мог содержать ничего иного, как символ народного рабства; но он не берет на себя смешную претензию учить народ морали в школах. Он знает, что морали учат не в школах, а прежде всего жизнью. Он знает, что величайшее нравственное учение для пролетариата заключается в практике, в самом широком проявлении международной солидарности, то есть не исключительно национальной, а человеческой, и в столь же практическом осознании всех последствий и условий этой солидарности; справедливости, свободы и достоинства каждого в равенстве всех. Кроме того, он знает, что пролетариат в полной мере обладает первым материальным условием любой человеческой нравственности: трудом. Поэтому он не считает нужным создавать для народа кафедры, с которых буржуазные моралисты будут проповедовать ему о долге. Но он глубоко чувствует необходимость создать Школы для обучения пролетариата, чтобы дать народу науку. Ведь после экономической нищеты, без сомнения, именно научная нищета, отсутствие знаний, сделало его рабом буржуазии.

¹ Зачеркнуто «различных».

Сердце пролетариата здоровое; оно полно доброй воли и человеческих чувств²; оно естественно любит свободу, равенство, справедливость, оно полно уверенности и веры в свое право, которое естественно представляет право всех, поскольку оно пришло последним. Сердце народа содержит в себе будущее. Не вмешивайтесь в это, вы только исказите и сузите его своими буржуазными принципами. Но если вы действительно испытываете к нему добрые чувства, если вы хотите, чтобы он освободился от всех своих прошлых и настоящих опекунов, включая вас самих, дайте ему образование, науку, этот плод дерева, который Иегова, Бог сильных и богатых, проклял, потому что он порождает бунт и организацию народных сил. Дайте ему не ваш моральный свет, он ложен, а свет разума, потому что он все еще очень в нем нуждается.

Мадзини мало занимается образованием. Зато он сделал *Воспитание* догмой своей религии. Когда я слышал, как Мадзини говорил, что необходимо создать огромное количество народных школ, в которых будут учить народ добродетели, долгу и самопожертвованию, я всегда задавался вопросом: где, черт возьми, он найдет столько учителей, способных преподавать эту мораль? На несколько миллионов детей потребуется не менее нескольких десятков тысяч таких учителей. Кто же не знает, что нравственность гораздо плодотворнее проповедовать не словами, а личным примером. Итак, Мадзини воображает, надеется, что он найдет в Италии несколько десятков тысяч людей, мужчин и женщин, которые, проникнувшись его религией, его догмами, пожертвовали бы всей своей жизнью?

Я думаю, что Мадзини питает огромную иллюзию. Но оставим это. Допустим, он их нашел и уже поставил во главе своих народных школ. Возникает другой вопрос: будут ли эти школы посещать только дети из народа или же также дети из буржуазии?

В первом случае очевидно, что буржуазные дети, будучи с раннего возраста отделены от детей пролетариата школой, останутся отделенными от них на всю жизнь. Даже если предположить, что в буржуазных школах сыновья богатых будут учиться той же морали, тому же долгу, тому же самопожертвованию, достаточно того, что они материально отделены от народных школ, чтобы чувство аристократизма, претензии на превосходство, одним словом, сознание принадлежности к привилегированному классу проникло в умы и сердца молодых буржуа. Преподаватели морали могут сколько угодно проповедовать равенство, но факт материального неравенства, обусловленный разделением школ, будет сильнее любых проповедей.

Общее правило: факты сильнее слов, даже если последние выражают самые правильные и правдивые идеи. Если вы хотите изменить идеи, измените порядок, установленный фактами. Факты обладают силой жизни; слова же чаще всего бессильны, как риторика³.

Сам Мадзини признает, что «без равенства не может быть истинной свободы»⁴; однако, как последовательный идеалист, он добавляет: «а равенства не может быть

² В зачеркнутом фрагменте далее «надежды и веры; в нем заключено будущее».

³ Следующий абзац зачеркнут «Поэтому, если вы хотите, чтобы чувство, сознание равенства существовало у всех детей –».

⁴ «*libertà vera non esiste senza eguaglianza*» (Бакунин поместил здесь итальянский текст без перевода на язык статьи – французский)

между теми, кто не исходит из основы, из общего принципа, из единого сознания Долга»⁵, что было бы вполне справедливо, если бы он под этим подразумевал материальную основу⁶, то есть *равенство условий экономической и социальной жизни*, без которого невозможно никакое реальное сообщество индивидуальных принципов и коллективного сознания.

Вот чего Мадзини никогда не поймет. Он воображает, что достаточно научить одной и той же морали детей, подростков, людей, находящихся в совершенно разных экономических и социальных условиях, чтобы они оставались едиными на всю жизнь в своем сознании, мышлении, воле. Это огромная ошибка, можно сказать, фундаментальная ошибка Мадзини.

Если вместо того, чтобы искать в безмолвной гармонии звездного неба доброго Бога, которого невозможно найти и который ни в коем случае нежелателен, Мадзини потрудился бы немного лучше изучить социальную природу человека, он бы понял, что, хотя необычайные события иногда могут зажечь одну и ту же страсть в людях разного социального положения, на мгновение объединить их в общей идее и общей воле, это объединение всегда чрезвычайно мимолетно, эфемерно и, как только момент воодушевления проходит, неумолимая и фатальная логика жизни, более сильная, чем всякая мораль мира, разрушает его, должна разрушить его, возвращая каждого к реальным потребностям и естественным союзам, соответствующим его положению. Богатый [соединяется?] только с богатыми, ищет среди них удовлетворения для своих амбиций, тщеславия и алчности; а бедный остается страдать и проклинать вместе с бедными⁷. Разве не такова была история после всех революций до сих пор в Италии, как и во Франции, как и везде?

Неисправимый идеалист, Мадзини не хочет и не может понять ту истину, которую каждый в любой момент может проверить в своей жизни, а именно, что коллективные чувства и мысли, социальное сознание класса всегда являются верным выражением его коллективных интересов. Именно поэтому Иисус Христос, который, по-видимому, был гораздо более глубоким социалистом и гораздо более

⁵ «*e l'eguaglianza non puo esistere fra chi non move da una base, da un principio commune, da una coscienza uniforme del Dovere*».

Примечание Бакунина: *Doveri dell'Uomo*

⁶ Отсюда начинается вариант страницы 44: «то есть *тождество экономических и социальных условий жизни*, без которой невозможно ни общее понимание принципов, ни коллективное, ни индивидуальное сознание. Вот чего Мадзини не понимает и чего он, как идеалист и теолог, никогда не поймет. Он воображает, что достаточно научить одной и той же морали детей, подростков и взрослых, находящихся в совершенно разных экономических и социальных условиях, чтобы они оставались едиными на всю жизнь в своем сознании, мышлении и воле. Это большая ошибка, можно сказать, фундаментальная ошибка Мадзини. Если бы вместо того, чтобы искать в бесконечных пространствах, разделяющих звезды, непостижимого Бога, он потрудился бы немного лучше изучить реальные законы, проявляющиеся в развитии человеческого общества, он [бы понял, что воодушевляющая речь или необычайное событие могут мгновенно объединить людей разного положения в одном и том же чувстве – *зачеркнуто*] бы понял, что воодушевляющая, влиятельная, так сказать, магнетическая речь героической и могущественной натуры, великая коллективная страсть, как, например, ненависть, которую вызывает у людей всех классов иноземное иго, одним словом, чрезвычайное событие, могут мгновенно объединить в общем чувстве и общей воле людей, находящихся в разных экономических и социальных условиях; но что этот союз всегда исключительно эфемерный, поскольку реальное различие в условиях и средствах существования вооружено силой логики, гораздо более грозной, чем любое воодушевление и любые».

⁷ Зачеркнуто «Разве это не вечная история».

реалистичным мыслителем, чем Мадзини, сказал, без сомнения: «Легче веревке (или верблюду) пройти через игольное ушко, чем богатому войти в Царство Небесное».

Несомненно, были примеры, когда богатые люди искренне обращались в веру, противоречащую интересам их класса. Но это были лишь исключения, и если бы мы хорошо искали, то в каждом из этих случаев, помимо красноречия проповедников и возвещателей, мы нашли бы особые, индивидуальные, не идеальные, но *материальные*⁸ причины, которые это объясняют. Как бы то ни было, нет ни одного примера, когда целый класс обратился бы в другую веру и добровольно отказался от своих привилегий, не будучи к этому принужден.

Несмотря на свой замечательный ум, Мадзини в этом вопросе проявляет столь наивную уверенность, что она граничит с нелепостью. Он искренне верит в возможность обратить буржуазию в религию равенства, оставив ей все ее экономические привилегии, лишь с помощью силы религиозной и моральной проповеди. Трудно понять, почему он сам не заметил для себя следующего наблюдения: вот уже более сорока лет он проповедует свою мораль Итальянской буржуазии, но эта буржуазия нисколько не изменилась к лучшему. Вот что он говорит итальянским рабочим⁹:

«Каждый поступок Христа олицетворял веру, а вокруг него стояли апостолы, которые своими поступками воплощали принятую ими веру. Будьте такими, и вы победите. Проповедуйте Долг людям из классов, стоящим выше вас, и выполняйте свой долг, насколько это возможно: проповедуйте добродетель, жертвенность, любовь, будьте добродетельны и готовы к жертве и любви»¹⁰ ... «Клич, раздававшийся во всех великих революциях (!?), клич «Этого хочет Бог Этого хочет Бог!» Крестовых походов, может только превратить бездейственных в деятельных, вселить дух в боязливых, жертвенный энтузиазм в скупых, веру в тех, кто с сомнением отвергает всякую человеческую концепцию. Докажите людям, что работа по освобождению и прогрессивному развитию, к которой вы их призываете, входит в Божий план; никто не станет бунтовать. Докажите им, что земная работа, которую предстоит совершить здесь, внизу, существенно связана с их бессмертной жизнью: все сиюминутные расчеты исчезнут перед важностью будущего»¹¹ ...»¹².

Все это настолько наивно, ошеломляюще и абсурдно, что, если бы мы не знали о чрезмерной теоретической добросовестности Мадзини, можно было бы подумать,

⁸ то есть материальные

⁹ Doveri dell'Uomo (прим. Бакунина)

¹⁰ «Ogni atto di Christo rappresentava la fede, e intorno a lui v'erano apostoli che incarnavano nei loro atti la fede ch'essi avevano accettato. Siate tali e vincerete. Predicate il Dovero agli uomini delle classe che vi stanno sopra e compite quanto è possibile i doveri vostri: predicate la virtù, il sacrificio, l'amore, e siate virtuosi, e pronti al sacrificio e all'amore»

¹¹ «Il grido che suonò in tutte grandi rivoluzioni (!?), il grido Dio lo vuole! Dio lo vuole! delle Crociata, può solo convertire gli inerti in attivi, dar anima ai paurosi, entusiasmo di sacrifici ai calcolatori, fede a chi respinge con dubbio ogni umano concetto. Provate agli uomini che l'opera d'emancipazione e di sviluppo progressivo alla quale voi li chiamate sta nel disegno di Dio; nessuno si ribellerà. Provate loro che l'opera terrestre da compirsi quaggiù è essenzialmente connessa colla loro vita immortale: tuti i calcoli del momento spariranno davanti all'importanza dell'avvenire...»

¹² Далее все зачеркнуто «Все это настолько наивно, если не сказать смешно и абсурдно, что действительно удивляет, обижает и огорчает, когда это говорит такой человек, как Мадзини. И это не второстепенная вещь, нет, это сама основа его политики и социализма, которые гораздо больше относятся к небесам, чем к земле.

что он издевается над всеми и что у него есть неблагодетельное намерение обмануть пролетариат в интересах буржуазии. Конечно, у него нет такого намерения, но также очевидно, что он говорит и действует именно так, как будто это намерение вдохновило его, что, естественно, приносит ему похвалу со стороны всей реакционной прессы Италии и расположение самых умеренных слоев общества.

И не стоит думать, что слова, которые я только что процитировал, представляют собой маловажную, второстепенную часть политической и мнимо социалистической программы Мадзини, часть, которую, следуя примеру этого великого логика и выдающегося представителя *морали партии* Мадзини в Турине, господина Бегелли, можно было бы произвольно отвергнуть, сохранив при этом политическую и социалистическую часть Мадзини. Великий итальянский пророк будет первым, кто возразит против этого нелогичного и произвольного разделения. Правда, что, в качестве своего рода уступки ожесточению ума и сердца современной молодежи, Мадзини согласился не выставлять напоказ всю свою религиозную программу и не заставлять большинство, которое он заранее обеспечил себе на последнем съезде в Риме, приветствовать его символ веры. Но эта уступка была лишь одной из тех уловок, к которым часто прибегают просветленные и верующие политики. Поэтому он довольствовался тем, что проголосовал за свою политическую и социалистическую программу, прекрасно понимая, что эта программа не имеет смысла, если из нее исключить религиозную часть.

И действительно, слова, которые я только что процитировал, составляют основу, краеугольный камень, на котором построена вся политическая и социалистическая система Мадзини.

Что на это можно ответить! Счастливы те, кто верит в абсурд, если они находят утешение и радость в абсурде. Но несчастны те, кто верит в верующих в абсурд, потому что в качестве утешения они могут дать им только абсурд.

По словам Мадзини, нужно доказать этой добропорядочной буржуазии существование доброго Бога. Но если она не верит в его существование, что тогда делать? Итальянская буржуазия, как и вся буржуазия мира, сегодня испытывает потребность в религии только для народа, а не для себя. Предположим, что она [уверует], много ли вы от этого получите? Старые феодальные сеньоры были страстными и искренними христианами, и (как они обращались со своими – *зачеркнуто*) все же [неразборчиво] были ли они братьями во Христе со своими крепостными?

И когда думаешь, что именно на таких иллюзиях Мадзини основывает все свои обещания народу, нужно помнить, что он сам очень искренен в своей вере, чтобы не испытывать чувства возмущения и гнева по отношению к нему, чтобы не называть его тем именем, которое он заслуживает, именем [неразборчиво], но по сути *обманщиком народа*, [неразборчиво] и слугой буржуазии против народа.

Если пролетариат Италии хочет ждать, пока буржуазия обратится в мадзинистскую религию, ему понадобится [неразборчиво] поистине героическое терпение. Но сегодня все зависит только от рабочих.»

VII. Классовая борьба пролетариата и буржуазные методы Мадзини

Интернационал говорит рабочим всех стран: Не надейтесь на буржуазию; она никогда не захочет и *никогда не сможет захотеть* восстановить справедливость; это противоречило бы логике вещей и условиям жизни, противоречило бы всему опыту истории; общественное мнение, коллективное сознание каждого класса *необходимо* и всегда является продуктом социальных отношений и особых условий, которые составляют основу и закон его отдельного существования. Хотите нравственно поднять, очеловечить, убедить какой-либо класс? Опрокиньте, разрушьте *экономические основы* его политической власти, уравнийте его условия существования с вашими. Тогда приходите и говорите с ним о человечности, справедливости, свободе, равенстве и солидарности; он вас поймет. Но пока он остается в своем нынешнем привилегированном положении, он вас не поймет и никогда не захочет понять. Ибо сам Иисус Христос сказал: «Где сокровища человека, там и сердце его» – А сокровища буржуазии находятся именно в эксплуатации труда пролетариата. Если ей говорить о небесных сокровищах, она будет смеяться, потому что предпочитает им свои земные сокровища, которые ей кажутся естественно более настоящими. Поэтому обращение буржуазии в вашу веру было бы с вашей стороны смешным предприятием, поскольку даже Мадзини, ваш великий пророк, потерпел в этом деле неудачу.

И Интернационал добавляет: «Поскольку нравственное переубеждение буржуазии невозможно, для того чтобы освободиться, чтобы завоевать условия среднего существования, необходимо организовать свои собственные силы, *вне и против буржуазии*. Сила, необходимость насильственно навязанной справедливости – вот единственный аргумент, способный тронуть сердца буржуа. Когда они увидят, что вы серьезно организованы, сильны и полны решимости идти вперед, не поддаваясь никаким песням сирен, даже *невольной* буржуазной красноречивости Мадзини, тогда, делая из необходимости добродетель, они пойдут с вами по пути не иллюзорных, а *серьезных уступок*; и, достигнув этого результата силой и только благодаря реальной демонстрации вашей организованной мощи, вы сможете, чтобы избежать кровавых столкновений, всегда неприятных для обеих сторон, успокоить их, пойти на сделку, согласившись, в зависимости от обстоятельств, на 10, 15 или даже 20 лет, чтобы с помощью реальных и умело сочетающихся экономических реформ обеспечить равные экономические условия труда и социальной жизни для всех¹. – Любой другой путь, кроме этого, приведет вас только к жестоким разочарованиям.

¹ Как мы видим, здесь Бакунин прямо не говорит «Социальная Революция», возможно это связано с тем, что здесь Бакунин излагает не свои идеи, а идею Интернационала, которая до сих пор не была четко определена относительно вопроса перехода в иную экономическую систему.

Мадзини, напротив, говорит итальянским рабочим, и хотел бы сказать это рабочим всех других стран, если бы только они согласились его послушать: Основывайте все свои надежды на религиозное и нравственное переубеждение буржуазии. Верьте в пропаганду моих апостолов, позвольте им вести и направлять вас: Синьору Беггелли в Турине и его братьям в других городах Италии.

Они покажут вам истинный путь спасения и добродетели. Главное, не организуйте свои силы вне буржуазии, потому что это будет угрозой для нее. Но угроза и применение силы допускаются только против правительства, которое мешает моей партии захватить власть и занять свое место, а не против буржуазии, которая мешает вам жить по-человечески². Помните, что эти буржуа, которые угнетают и грабят вас, являются вашими братьями, в то время как рабочие всех других стран, которые осмеливаются говорить, несчастные! на языке, отличном от вашего, и которые не имели счастья родиться в избранной стране,³ границы которой были определены самим Богом, должны рассматриваться вами как чужаки, несмотря на то, что их положение, их стремления, их мысли, их воля и их интересы точно такие же, как и ваши, несмотря на то, что, работая для своего собственного освобождения, они работают также и для вашего. Они – Иностранцы: этого достаточно, чтобы вам не было позволено вступать с ними в отношения, в непосредственный контакт. Единственное, что вы можете себе позволить, – это установить с ними дипломатические

² Вот собственные слова Мадзини: «*Si tratta di rovesciare con la forza la forza brutale del governo che s'oppone in oggi a ogni tentativo di miglioramento*» [*Речь идет о том, чтобы силой свергнуть грубую силу правительства, которое сегодня противостоит любой попытке улучшения*]] – (Doveri dell'Uomo). Это означает, что разрешается только политическая революция совместно с буржуазией, но ни в коем случае не социальная революция против буржуазии. Воистину непонятно, почему Мадзини делает это несправедливое исключение для официальной группы буржуазии, составляющей правительство? Раз уж он так сильно верит в силу своей пропаганды и считает, что привилегированным нужно не угрожать, а обращаться в свою веру, почему он не довольствуется тем, чтобы оказать то же самое очарование своей пропаганды на членов правительства? Может быть, потому, что эти люди оскорбляют его, потому что они угнетают и преследуют его апостолов, в то время как буржуа, которых он так горячо рекомендует братским чувствам пролетариата, довольствуются угнетением и преследованием только тех рабочих, которые работают на них, и исключительно эксплуатацией пролетариата? Это может быть хорошей причиной для партии Мадзини, но не для пролетариата. Я также не представляю, как Мадзини, со всем своим политическим опытом, не смог понять одну вещь, которая сегодня, как никогда ранее, в Италии, как и везде, бросается в глаза: что нынешние правительства, против которых он замышляет заговор и проповедует их свержение, являются чистейшим выражением буржуазных интересов и удерживаются у власти только благодаря симпатиям и организованной и коллективной силе действительно богатой, владеющей собственностью, капиталистической и эксплуатирующей части буржуазии; между ней и народом находится средняя буржуазия, которая медленно, но верно разоряется, чьи дети в подавляющем большинстве ищут карьеру и средства к существованию на Государственной службе, как военной, так и гражданской; чья промышленность и торговля финансируются капиталами крупной буржуазии и которая в силу своих интересов, а также тщеславия, в результате полностью зависит от господствующей плутократии, а также от представителя последней, то есть от Государства? Все более реакционные парламентские выборы в Италии и повсюду являются тому ярким доказательством. Остается мелкая буржуазия, уже полностью разорившаяся. Фактически, с экономической точки зрения, она является рабом средней и крупной буржуазии, и ее положение порой хуже, чем у пролетариата. Что еще отделяет ее от пролетариата, в Италии, впрочем, в меньшей степени, чем в других странах, так это правда, незнание своих собственных интересов, скажем прямо, буржуазная глупость. Именно в ее рядах должна вестись пропаганда, не Мадзинистская, а интернациональная, потому что эта большинство имеет все интересы присоединиться к международному движению пролетариата. (прим. Бакунина)

³ Зачеркнуто «божественные».

отношения через диктаторский Комитет, якобы представляющий⁴ итальянский пролетариат, и который я только что учредил в Риме благодаря заботе преданного мне большинства. Что касается итальянской буржуазии, то вам нужны не дипломатические отношения, а тесные братские связи. Правда, эти добрые итальянские буржуа грабят вас, угнетают вас, пожирают вас, но разве они не Итальянцы и, следовательно, ваши братья, и более того, ваши *старшие* братья, как так хорошо сказал великий Гамбетта во Франции, и которым вы, следовательно, должны выражать любовь и уважение. Разве итальянские буржуа не говорят на том же языке, что и вы? Правда, по отношению к вам они используют этот прекрасный итальянский язык только для того, чтобы командовать вами и унижать вас. Но даже слышать, как тебя называют рабом на твоём родном языке, в тысячу раз приятнее, чем слышать, как тебя называют: «Брат!» иностранным ртом и на чужом языке!

Поэтому не показывайте свою силу буржуазии и не угрожайте ей, это противоречило бы братству, которое так выгодно для них и так почетно для вас. Переубедите их. Только на переубеждение итальянской буржуазии вы должны основывать все свои надежды на освобождение. Правда, до сих пор, несмотря на все свои усилия и всех своих апостолов, она проявила очень мало желания переубеждаться. Но не нужно отчаиваться. Кричите им во весь голос: мы голодны, нам холодно, мы измучены работой и страдаем, видя страдания наших детей и жен! В конце концов они не смогут остаться равнодушными к стольким страданиям, сопровождаемым столь благородным терпением. А если их ожесточенные сердца останутся непреклонны, то говорите с ними не от имени ваших прав, да хранит вас Бог! Это все испортило бы, а от имени их долга. Скажите им эту священную фразу, которая, правда, до сих пор не сопровождала ни одной народной революции, – французская революция, единственная, которая что-то сделала для народа, игнорировала доброго Бога, – повторите им этот крик не народа, а феодальных сеньоров средневековья, этих благородных крестоносцев, страстных и искренних христиан, которые были *так человечны в отношении своих крепостных*; великий антиреволюционный лозунг, лозунг этой благородной Ассамблеи Версаля и всех реакционеров Европы и мира: «*Этого хочет Бог! Этого хочет Бог*». И тогда, вероятно, ожесточенные сердца буржуа растают и прольют слезы, которые оплодотворят нищету пролетариата.

Правда, что итальянская буржуазия, как и все другие буржуазии нашего времени, очень неверующая; она не придает большого значения доброму Богу, и если иногда и говорит о нем, то только для народа, «*потому что народу абсолютно необходимо иметь религию*», а не для себя самой. Поэтому абсолютно не исключено, что, предпочитая земные сокровища сокровищам, которые я обещаю ей на небесах, она останется глухой и бесчувственной, даже когда вы будете говорить с ней во имя Бога. И что же тогда делать? Нужно ли вам восстать? Держитесь подальше от этого, дорогие братья, потому что, если вы последуете моему совету, вы останетесь неорганизованными, а без организации у вас не будет достаточной силы, чтобы бороться с их организованной мощью. Но даже если бы у вас была такая сила, Вы⁵

⁴ Зачеркнуто «[пролетариат] Рима»,

⁵ Зачеркнуто «должны воздержаться от бунта против них, потому что помните, итальянские рабочие, мои братья, *che la vita terrestre terrena e un preludio della celeste* [что земная жизнь есть прелюдия к небесной]».

должны воздерживаться от любого бунта против них, потому что это привело бы к гражданской войне, преступлению против величия вашей родины, преступлению против национального братства. Лучше терпите и всегда помните, о мои братья, итальянские рабочие, *«что земная жизнь есть прелюдия к небесной, стимул к ее достижению»*⁶⁷ *«что цель вашей жизни не в том, чтобы быть более или менее счастливыми, а в том, чтобы сделать себя и других лучше»*⁸... и что, следовательно, если нам не удастся здесь, ценой жертв и любви, установить земной социализм, я обещаю вам в будущих жизнях, на какой-нибудь другой планете или звезде, небесный социализм.

Тем не менее, я признаю, что даже для того, чтобы не обеспечить вам счастье и благополучие, а просто дать возможность выполнять свои обязанности, абсолютно необходимо внести немедленно *некоторые*⁹ облегчения в ваше материальное положение. Для этого я разрешаю вам, я даже призываю вас создавать *потребительские кооперативы*. Правда, эти кооперативы принесут лишь весьма сомнительное и ничтожное облегчение вашей ужасной нищете, но они дадут вам занятие, полезное времяпрепровождение, вам, у которых так много свободного времени; они будут развлекать вас полезным образом, отвлекая ваш ум от революционных предприятий против ваших братьев, буржуа; они придадут вам вид буржуа, и буржуа, видя, как вы по-буржуазному копите мелочь, которая неминуемо присоединится к скопившимся в их карманах миллионам, будут уверены, довольны и спокойны...

*«Итак, воспитывайте себя, обучайте себя как можете»*¹⁰ (читая труды Мадзини или слушая Мадзинистских апостолов, например, господина Бегелли) *никогда не отделяйте свою судьбу от судьбы своей родины*¹¹ (то есть никогда не отделяйте свое дело от дела итальянской буржуазии, ваших старших братьев) *но объединяйтесь с каждым предприятием, которое стремится сделать ее (не вас) свободной и великой*¹² (то есть стремится построить новое величие итальянского Государства на ваших смятых плечах) *умножайте ваши ассоциации*¹³ (при условии, что они навсегда останутся Мадзинистскими) *и вступайте в них, везде, где это возможно, рабочие промышленности и рабочие земли, горожане и крестьяне*¹⁴ (наконец, чтобы усыпить и успокоить с помощью Мадзинистских теорий столь опасный дух дикого бунта, который крестьяне проявили в случае о налоге на помол) *прилагайте усилия к более частому созданию потребительских кооперативов и доверяйте будущему*¹⁵¹⁶.

⁶ *«che la vita terrena e un preludio della celeste, un attivamento a raggiungerla»*

⁷ Далее зачеркнуто «и для цели ... *e che lo scopo della di questa vita (guaggio) non è quello d'essere più o meno felici ma di rendere...*» (и что смысл этой жизни (guaggio) не в том, чтобы быть более или менее счастливым, а в том, чтобы сделать себя...) *»bisogna convincere gli uomini («Нужно убедить людей»*

⁸ *«che lo scopo della vostra vita non è quello d'essere più o meno felici, ma di rendervi voi stessi e gli altri migliori»*

⁹ Зачеркнуто «материальные (облегчения) в ваше текущее экономическое положение».

¹⁰ *Dunque educate vi, istruite voi come meglio potete*

¹¹ *non dividete mai i vostri dei fati della vostra patria*

¹² *ma affratellate vi con ogni impresa che miri a farla (non voi) libera e granda* (два слова в скобках по логике должны принадлежать Бакунину, хоть он их подчеркнул, приписав тем самым к словам самого Мадзини)

¹³ *moltiplicate le vostre associazioni*

¹⁴ *e innellate in esse, dovunque è possibile l'operaio dell'industria a quello del suolo, città e contada*

¹⁵ *adoperate vi a creare più frequenti le società cooperative di consumo, e fidate sull'avenire*

¹⁶ «Agli Operai Italiani» – G. Mazzini - L'Unità Italiana. 1871, 23 Giugno. (прим. Бакунина).

Доверьтесь единственно, исключительно мне и моей партии. Если вы захотите довериться мне, я обещаю вам, что в будущем, возможно, довольно отдаленном, в Италии не будет больше неравных условий, что дети, внуки и правнуки нынешних величайших аристократов станут такими же рабочими, как и вы, и что труд и капитал будут объединены в одних руках.

Если вы спросите меня о моих средствах, то вот они: Буржуазия, успокоенная вашей мудростью и бесконечно благодарная мне за то, что я умиротворил вас и отвратил от всякого сговора и союза с этим ужасным Интернационалом, поможет мне осуществить небольшую исключительно политическую Революцию; после этой Революции мы созовем национальное Учредительное собрание, в которое благодарный народ, несомненно, пошлет в качестве депутатов моих апостолов. Это Учредительное собрание провозгласит мою политическую программу и мой Катехизис и тем самым придаст им характер *Национального Пакта*, выражающего то, что я называю *Национальной Идеей*. После этого она учредит сильное *Национальное Правительство*, которое будет управлять *Национальным Воспитанием* всей итальянской молодежи. Вот единственный верный способ, с помощью которого я намерен достичь своей цели.

Итальянская Республика, прежде всего буржуазная и основанная в основном при содействии и по воле буржуазии, будет осторожно относиться к принятию против капиталистов и собственников социалистических мер, о которых мечтают немецкие коммунисты, которые также хотят государства, но только народного и, следовательно, по крайней мере, как они говорят, противостоящего буржуазии. Эти меры несправедливы, насильственны, и, кроме того, наша добрая итальянская буржуазия не потерпит их. Кроме того, мы не материалисты, а идеалисты, не атеисты, а верующие в Бога. Поэтому мы не верим, что для изменения сердца, чувств и идей необходимо сначала изменить материальные отношения между людьми и вещами. Наше убеждение прямо противоположно: мы убеждены, что сначала необходимо изменить несправедливые мысли и чувства, чтобы привести в порядок экономическую систему общества и внести все желаемые материальные изменения. Мы не хотим и не должны применять силу, а должны убеждать. И для этого есть только два средства: *пропаганда* и *Воспитание*; первое для взрослых, второе для детей и подростков.

Правда, пропаганда у нас получается очень плохо. Чем больше мы проповедуем, тем больше ожесточается сердце современной буржуазии. Ее скептическое и избалованное сердце, кажется, неспособно принять веру в Бога. Но новые поколения принадлежат нам, и мы заставим их быть нашими с помощью *воспитания*.

«**Воспитание**, как мы уже сказали, – это великое слово, которое охватывает всю нашу доктрину. Жизненно важный вопрос, который волнует наш век, – это вопрос *Воспитания*. Речь не идет о том, **чтобы установить новый порядок вещей через насилие**»... «Речь идет о том, чтобы силой свергнуть ту жестокую силу, которая сегодня противостоит любой попытке улучшить положение¹⁷ (то есть разрешается

¹⁷ *Educazione, abbiamo detto, ed è la gran parola che racchiude tutta quanta la nostra dottrina. La questione vitale che s'agita nel nostro secolo è una questione d'Educazione. Si tratta non di stabilire un nuovo ordine di cose colla violenza*»... «Si tratta di rovesciare colla forza la forza brutale che s'opponе in oggi a ogni tentativo di miglioramento»

применять силу для осуществления политических революций, но не социальных революций), предложить на обсуждение нации, которой дана свобода выражать свою волю, тот порядок, который кажется лучшим¹⁸, (¹⁹Мадзинистская программа) и всеми возможными средствами **воспитывать** людей, чтобы они развивали его, действовали в соответствии с ним... Речь идет, таким образом, о том, чтобы найти высший воспитательный принцип, который будет вести людей к лучшему, который научит их постоянству в жертвовании, свяжет их с их братьями, не делая их зависимыми от идеи одного или от силы всех²⁰ (Вот одна из тех лживых проявлений либерализма, которые Мадзини не гнушается использовать, чтобы скрыть ужасный духовный²¹ деспотизм, царящий во всех его теориях. Полностью убив свободу в молодых людях своим авторитарным и принудительным образованием, он хочет, чтобы²², находясь в состоянии интеллектуального и морального рабства, они считали себя свободными!). И этот принцип – **долг**. Необходимо убедить людей, что они, все дети одного Бога, должны быть здесь, на земле, исполнителями одного Закона, что каждый из них должен жить не для себя, а для других; что цель их жизни не в том, чтобы быть более или менее счастливыми, а в том, чтобы сделать себя и других лучше²³... и так далее²⁴.

¹⁸ *di proporre al consenso della nazione, messa in libertà d'esprimere la sua volontà, l'ordine che par migliore*

¹⁹ Зачеркнуто «Учредительное собрание и Национальный Пакт».

²⁰ *e di educare con tutti i mezzi possibili gli uomini a svilupparlo, ad operare conformemente... Si tratta dunque di trovare un principio educatore superiore che guidi gli uomini al meglio, che insegno loro la costanza nel sacrificio, li vincoli ai loro fratelli senza farli dipendenti dall'idea d'un solo o dalla forza di tutti*

²¹ Зачеркнуто «и божественный».

²² Зачеркнуто «эти бедные молодые люди».

²³ *E questo principio è il dovere. Bisogna convincere gli uomini ch'essi, figli tutti d'un solo Dio, hanno ad essere qui in terra esecutori d'una sola Legge, che ognuno d'essi, deve vivere, non per sè ma per gli altri; che lo scopo della loro vita non è quello d'essere più o meno felici, ma di rendere se stessi e gli altri migliori*

²⁴ Doveri dell'Uomo – (прим. Бакунина. Черта, возможно, говорит о том, что Бакунина хотел поставить после нее номер страницы).

VIII. Критика мадзинистского государственного воспитания

Я только что очень тщательно изложил принципы и обещания, которые Мадзини противопоставляет мужественной и бесстрашной пропаганде Интернационала, который, презирая сентиментальность и остерегаясь развлекать рабочий мир лживыми обещаниями, никогда не говорит им: «Положитесь на будущее!» или «Доверьте заботу о своем спасении кому-то другому, а не себе». Она говорит рабочим всех стран: полагайтесь в первую очередь только на организацию своих собственных средств и своих собственных сил; а затем на союз всех рабочих организаций в единую Международную Ассоциацию для совместной и солидарной борьбы против эксплуатации буржуазного капитала, а также против угнетения и преследования со стороны Государств, которые неизбежно защищают буржуазию.

Словом, «Интернационал» является вполне практичным словом, оно означает *организацию*. Слово Мадзини является в основном теоретическим, оно означает *Воспитание*.

Оно станет практическим, считает Мадзини, благодаря учреждению народных, национальных школ Государством. И мы спросили его, будут ли эти школы общими для детей богатых и бедных, или же они будут разделены? Но поскольку Мадзини хочет объединить все классы в *единой и общей вере*, без которой, по его словам, не может быть Нации, и он надеется именно на то, что сможет вдохновить их на это посредством *единого и общего Воспитания*, то вполне вероятно, что дети богатых будут получать его в тех же школах, что и дети бедных.

Но что, если богатые семьи, как это вполне вероятно, откажутся от такого слияния! Посылать своих детей учиться вместе с детьми из народа, какая ужасная мысль! Чтобы избежать этого неудобства, попросят ли они Государство установить школы для своих детей? Или, в случае отказа, они установят их за свой счет, что они вполне смогут себе позволить, поскольку останутся богатыми; что тогда сделает Мадзинистское правительство?

Если он согласится на такое разделение, цель воспитания будет утрачена: единство мысли, веры, Национальное единство будут утрачены. Поэтому Национальное правительство будет вынуждено заставлять богатые семьи посылать своих детей в народные школы. Такова также и положительная мысль Мадзини:

«Для вас важно, чтобы ваши дети с ранних лет чувствовали себя связанными духом равенства и любви к общей цели с миллионами братьев, данных им Богом. – Воспитание, которое должно дать вашим детям это учение, может исходить только от Нации... Без Национального Воспитания морально не существует Нации. Национальное сознание может исходить только от него. – Без Общего Национального Воспитания для всех граждан равенство прав и обязанностей остается пустой фразой: знание

обязанностей, возможность осуществления прав оставляются на волю случая или на усмотрение тех, кто выбирает воспитателя. – Люди, которые заявляют о своей неприязни к единству воспитания, призывают к свободе. Свободе кого? Отцов или детей? В их системе свобода детей нарушается отцовским деспотизмом: свобода молодого поколения приносится в жертву старшему, свобода прогресса становится иллюзией. **Индивидуальные убеждения, возможно ложные и враждебные прогрессу, передаются, как единственные и верные, от отца к сыну в возрасте, когда проверить их невозможно**¹. (а если это само Государство авторитарно, силой, захватывая во имя мнимого права на воспитание всех детей, навязывает всей итальянской молодежи «убеждения, ложные и враждебные прогрессу», – а это неизбежно произойдет, если это будет Мадзинистское Государство – будет ли это зло меньшим?): Позже, **в случае большинства из вас, неизбежность постоянного физического труда**², (вот ценное признание) *помешает молодой душе, в которой запечатлелись эти убеждения*³ (например, Мадзинистские убеждения, насильно навязанные Мадзинистским Государством всей итальянской молодежи), **сравнивать их с другими и изменять их**⁴».

Здесь я остановлюсь на мгновение, чтобы отметить две действительно примечательные вещи: во-первых, ценное признание, невольно прозвучавшее из уст самого Мадзини; и, во-вторых, доказательство его буржуазного характера и предубеждений.

Таким образом, Мадзини наконец признает, что в его Республике большинство пролетариата (*gli più tra voi*⁵) по-прежнему будет находиться в условиях, когда «*неизбежность постоянного физического труда*» не позволит ему сравнивать идеи между собой, то есть учиться и получать образование. – Явный и несомненный вывод: пролетариат останется интеллектуально, морально и материально рабом буржуазии.

Затем, говоря об опасностях передачи отцовских идей детям, Мадзини имеет в виду не, как можно было бы ожидать, семьи буржуазии или аристократии, именно те, которых праздность и привилегии развратили и которые передают от отца к сыну надменную гордость, тщеславную глупость и презрение к народу. Нет, он опасается такой передачи именно в семьях, где чувства равенства и справедливости, а также ненависть к привилегиям наиболее сильны, в семьях пролетариата! Причины и последствия, вытекающие из такого суждения, слишком очевидны, чтобы я нуждался в их разъяснении и объяснении. Я возвращаю слово Мадзини:

¹ *V'importa che i vostri figli sentano dai primi anni giovanili d'essere stretti in uno spirito d'eguaglianza e d'amore verso un intento comune, coi milioni di fratelli dati loro da Dio. – L'Educazione, che deve dare ai vostri figli insegnamento siffatto, non può venire che dalla Nazione... Senza Educazione Nazionale non esiste moralmente Nazione. La coscienza nazionale non può uscir che da quella. – Senza Educazione Nazionale Comune a tutti i cittadini eguaglianza di doveri e di diritti e formola vuota di senso: la conoscenza dei doveri, la possibilità del esercizio dei diritti, sono lasciate al caso della fortuna o all'arbitrio di chi sceglie l'educatore. – Gli uomini che si dichiarano avversari all'unità dell'educazione invocano la libertà. Libertà di chi? Dei padri o dei figli? La libertà dei figli è violata, nel loro sistema, dal dispotismo paterno: la libertà delle giovani generazioni sacrificata alle vecchie: la libertà di progresso diventa illusione. Le credenze individuali, false forse ed avverse al progresso, sono trasmesse, sole e autorevoli, di padre in figlio, nell'età in cui l'esame è impossibile*

² *più tardi, nelle condizioni dei più tra voi, la fatalità d'un lavoro material de l'ore*

³ *vieterà all'anima giovine nella quale si saranno stampate quelle credenze*

⁴ *di raffrontarle con altre e modificarle*

⁵ *большинство из вас*

«Во имя этой лживой свободы анархическая система стремится установить и увековечить худшую из форм деспотизма – моральную касту. – То, что защищает эта система, называется произволом, а не свободой. Настоящая свобода не существует без равенства, а равенство не может существовать между теми, кто не руководствуется общими принципами, единым сознанием Долга⁶»⁷.

Таким образом, по мнению Мадзини, первым долгом Государства будет защита детей от передачи им идей их родителей. Но для этого существует только один эффективный и серьезный способ: полностью прервать и перехватить любое общение между детьми и их семьями. Дети должны не только посещать школы, но и жить в них, все в одинаковых условиях, питаясь, одеваясь, развлекаясь и учась одинаково. Только так можно будет достичь равенства между ними, потому что недостаточно просто проповедовать им равенство как моральную ценность; оно должно быть осуществлено на деле, потому что, если оно будет существовать на деле, ничто не сможет искоренить его из инстинктивного и морального сознания детей. *Моральная каста*, что бы ни говорил идеалист Мадзини, никогда не существовала и не могла существовать сама по себе. Она всегда была продуктом, выражением факта существования материальной касты.

Таким образом, Государство должно будет разлучить детей и родителей. Но в каком возрасте? Чтобы достичь цели, которую ставит перед собой Мадзинистское воспитание, это отделение необходимо производить в очень раннем возрасте, через год после рождения или сразу после отлучения от груди. Именно в этом возрасте дети наиболее восприимчивы и впечатлительны, и именно благодаря тысячам впечатлений от окружающей их жизни в них формируются первые элементы их будущих идей.

Идеи выражаются не только словами; они отражаются во всех деталях, в отношениях, в проявлениях социальной жизни и даже в материальных вещах, которые служат человеку. Все это окружает, охватывает, проникает в ребенка и дает ему, так сказать, первые основы интеллектуального и нравственного развития. И эти впечатления раннего детства тем сильнее, что внутреннее «я», которое сначала существует только в состоянии возможности, а не реальности, и еще не сформировалось у ребенка, никак на них не реагирует; оно формируется именно при их восприятии, так что в конце концов они становятся неотъемлемой частью его самого. И таким образом, позже он находит в своем собственном уме то, что метафизики называют врожденными идеями или априорными понятиями, которые являются ни чем иным, как более или менее осознанным воспроизведением впечатлений, полученных ребенком в раннем возрасте.

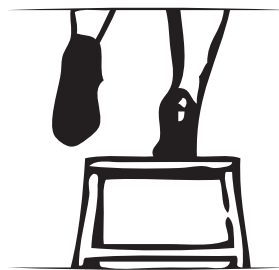
Из всего этого очевидно следует, что для защиты детей от пагубной передачи идей родителей необходимо как можно скорее отделить их от них

(рукопись здесь обрывается)

⁶ *In nome di quella libertà menzognera, il sistema anarchico parlo tende a fondare e perpetuare il pessimo fra i dispotismi, la casta morale. – Ciò che quel sistema protegge ha nome arbitrio, non libertà. Libertà vera non esiste senza eguaglianza; e l'eguaglianza non può esistere fra chi non move da una base, da un principio comune, da una coscienza uniforme del Dovere*

⁷ *Doveri dell'Uomo* (прим. Бакунина).

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Михаил Бакунин
Статья «против Мадзини» (с. 21-62). Методы Мадзини, Государство, Церковь и
методы Интернационала.
Ноябрь 1871

IISG

ru.anarchistlibraries.net